

211016 - арт. 198

«ГИЧЕГО ЛУЧШЕ ТЕАТРА ДОМА ПОКА НЕТ»

Фран и сцена - 1999 - март - апр. (20) 196

— Александр Яковлевич, сейчас связи центра с Руссего прерваны, театральные вуты работают на свои города, а у нас — целая дюжина выпускников РАТИ.

— Мы набрали курс — 16 человек, как пиебюджетный курс РАТИ. Выпустили 12. Все они сейчас в нашем театре, так что процесс омоложения иронич бесконтро. Год я их не трогал, они росли при театре, воспитывались, с ними занимались, потому я стал включать их в спектакли. Сейчас в труппе 41 человек, в основном — молодежь. Конечно, есть и сильное среднее поколение, и хорошие «старки».

— Их можно еще по моему спектаклю. — Да, они там хорошие, и теперь жаны-зюровы, задируют то. Почему и в труппе нет собиан академического театра: все, дескать, умем, ничего не хотим. Все хотят работать, паишт, аккальют, готовы к работе всегда.

— Шабрали их в Казани? — Да, все местные. Как говорит Андрей Александрович Гончаров, надо вливать молодую кровь в старые меха, что мы и сделали. Эти ребята уже прочно стоят на ногах, а значит и театр, значит — есть надежда. Когда я приехал в Казань, официально иерным считался Татарский Камаловский театр. Сегодня нас уважают, с нами считаются.

— Какие перспективы открывает вливание новой крови? И для театра, и лично для его руководителей?

— Первые годы меня на репетициях странно раздражал частый ответ на мои предложения: «Как скажете». До такой степени артисты неподвижны. А теперь актеры платятся и спос принесли понимание — я их не так и сам учил. Но за годы их учения я и сам изменился, несмотря на свой возраст, знание, положение. Это весьма позелно, хотя и тяжело было, больше я сам шибрали и весил не друка. Быть художником курса, одионерно шипускати спектакли, руководить театром — трудно. Но необходимо. Я по-другому стал работать с актерами, стал больше терпелив, ведь раньше тяготел к образной конструкции всего спектакля. А в театре — ваксон-то сложился репертуар, около двух десятков названий.

— А было? — Когда я пришел в театр, программы были на пишущей машинке напечатаны. Названия 5-6, парцелована булыжная комедия. А сегодня у нас Островский и Тургенев, Булгаков и Зюденко, Мольер, Пушкин, Гоголь, Выпускник Вамилюлова. Свое лицо у театра, на мой взгляд, появилась, когда есть профессиональная пиланка. Как говорил недавно Юрий Петрович Любимов, должно быть то, ниже чего мы не имеем права опускаться. Должно быть подлинное существование, действие, должны владеть мастерством — и актеры, и режиссеры. Конечно, что-то может и не получиться из задуманного, но профессия все равно остается.

— Если же режиссер вы стали бережнее работать с артистами, то что омоложение труппы дало постановщику?

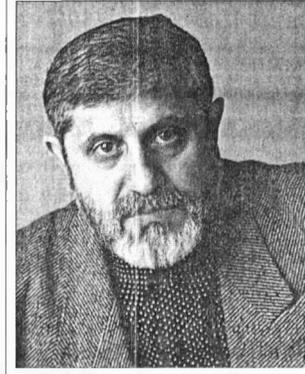
— Почему-то вдруг захотелось пинска. Вот «Пиковая дама» — задумывалась как необычный спектакль. Откинуть все умения, не может быть, вернуться к тому, с чего начинал. К которому моменту режиссер начинает все звать, все уметь, я в работе нал «Пиковой дамой» и я не знал ничего — только штом поняла, я какую анплатиру пустился. Выблти было уже нельзя, пришлось заново для себя все репатит. Как говорят актеры — вся жизнь и шербый курс. Определяют основы: способ существования, жанр, как и что будем делать. Мы с художником сначала искали зиму, сгет, Петербург — интересно, но чрезвычайно тяжело, все забылось спектакли.

— Кое-что осталось — нумороз на стеклах. — В Москве не удалось повстанит свет — на самом деле это все выглядит безумно красиво. На родной сцене — выше, больше воздуха, вся конструкция смотрится прозрачным кубом льда с прожилками-перелестичным рам.

— А как принимали французы — ведь мировая премьера состоялась у них?

— Полные заны, понимание по-настоящему. Но мы все переполнились — первый же раз. С другой стороны, есть желание дороботать — тоже мне в пинкуну, я обычно оставляю спектакли, как они сложились. А этот стал дороже друтих, вполне полузачисляю успехом постановке. К примеру, «Скрипка на крыше», который первая селт с аншлагом. Мой знакомый, отец Роман, философ, ушедший в религию, как-то мне сказал о «Скрипаче»: «Я на этом спектакле плачу, но мне не хватает тайны». В «Пиковой даме» есть тайна. Здесь я больше получаю эстетического удовольствия, для меня это ближе к искусству. Кажется, мы приблизились к Пушкину.

— Вы попали в Москву приездом из

Всего один спектакль — русскую премьеру «Пиковой дамы» — удалось сыграть в Москве на пути из Марселя на родину труппы Казанского Академического русского Большого драматического театра имени В.И. Качалова. Но даже по одному представлению можно судить о состоянии коллектива, в который влилось много уверенной молодежи. О ней — первый вопрос главному режиссеру Александру Славутскому.

Франции...

— Им приезти на такой же срок в Москву, как по Франции, напл работы нету дороже. Французы ведь принимают за свой счет, а тут мы даже на короткий приезд платим за все.

— Но ведь из-за кордона дохода тоже не приносите?

— Во-первых, актеры получают огромное удовольствие от приема. Потом, конечно, учитывая за это время — их полугодная зарплата, они могут себе позволить хоть что-то, головные, развлекательные артисты. Наши гастролы были бы невозможны, если б не наше министерство, наш Президент.

— Вы не сокращаете труппу, чтобы не выбрасывать людей из улицы?

— Когда-то я воевал, и очень активно, в Ростове-на-Дону. Там актеры среднего поколения подталкивали: надо стариков убирать, и действительно отправлял на пенсию. Народных артистов. Сейчас-то понимаю — нельзя так. И в нашем театре я никого не трогал, наоборот: старики — моя опора. Они не так много заняты, но это наша совесть, я их люблю и даб Бог, чтобы они долго еще были с нами.

— Может быть, надо думать уже и о собственной смене?

— Молодой режиссеры я почти не вижу. Гдет же вот Елена Пензенца: для первой работы на профессиональной сцене — она молодец. Безумно нестандартная площадка, странная труппа, а спектакль «Жак и его господин» — продуманный, организованный, выстроенный. Очень зрелый, профессиональный она человек. Есть на что надеяться в дальнейшем.

— Хотелось бы пригласить к себе такого режиссера?

— Хотеть-то хочется, да ведь опять сложности с теми же деньгами. Мы же когда-то все боролась за свободу, хотя лично я не испытывала особенного неудобства — за редчайшим исключением неслетя делало то, что хотел, находил способы скрыться, обмануть. Затрачивал энергию, которую сегодня экономлю, — делало, что хочу, спокойно. Но тут же возникает новая проблема, как и у большинства нормальных театров. Если зарплату нам еще платят, то на постановки — выки. К примеру, «Пиковая дама» стоит около 300 тысяч — деньги небольшие, но их же надо найти.

— И на это уходит больше энергии, чем раньше на обход цензуры и ублажение начальства?

— Не меньше. К тому же нормчим. Вот нам заплатили, а теперь сидим, ждем. Торmented нормальный процесс, выпускаем меньше спектаклей, чем могли бы: было 4-5, теперь — 3, больше невозможно. А труппа хочет работать. Занятость, постребования — нормальные, естественные для актера, тем более — молодого.

— Какие вы видите перспективы развития театра, в какой форме?

— Фонд, который отперс Форум, — авантюра: неизвестные лица будут распределять наши заработанные деньги. Антреприза — нормальная форма, но не панацея же! Посмотрим, за

эти годы, уже десятилетия! — я не знаю такой антрепризы, что произвела бы перерожд, доказала свою уникальность. Отдельные спектакли — да (в Москве хороши «Арт» — чистый, культурный, что важно — нестандартный). Но три-четыре спектакля, да еще в разных антрепризах погоды не делают. Есть в антрепризах и добрые актерские работы, но это опять-таки скорее исключение, по крайней мере в зрительных их несравнимо больше. И спектакли тоже. Поэтому, что касается будущего, то вернее в государственную поддержку искусства. Она должна быть обязательно. В Ганновере театр субсидируется гордом, земельными властями и только штом — сосыетеры, частные лица, вкладывающие свои капиталы. А только спонсоры — это неидеально. После прошлогоднего августа они своим-то рабочим платить не могли. И я их понимаю — сами новые русские сегодня не живут стабильно, отчего и рисковать боятся. Как он будет вкладывать что-то в меня, если не знает, что будет завтра с ним самим. Поэтому и переводят деньги за рубеж. А энтузиастов, преданных театру, единицы. Тот же Божков из песни ругаемой «Маски» — не знаю, много ли он из себя зарабатывает, но ведь энтузиастов, что в Россию, а ведь мог бы получать, прибыл на другом, с меньшими хлопотами. Так что здесь явная любовь к театру, хотя и тут он, я понимаю, не должен пропадать.

— Тогда это нуть, если и не закрыт совсем, то очень узок. Что же остается?

— Сказание профессором Серебряковым, к которому мы всегда относимся, с пренебрежением: «Дело надо делать, господа!». И верит. Мы же никогда не менялись капитально, мы же знаем, что хорошо и что плохо, и мы живем как раз по этим законам. Это и есть главное, на мой взгляд — быть верным себе, своим принципам. Нескучит ни на что. Когда я пришел в Казанский драматический, то понимал, что хочу сделать, чтобы театр был высокопрофессиональным, культурным, красивым, чтобы его любили зрители, чтобы он был домом. И я знал, что для этого нужно делать. Не пропуская ни одной мелочи, хотя и ругаю себя за то, что действую на перлы людям. Я спокоен только, если все в порядке. Спектакль закончен, а у меня радости нет никакой. Радостен только, когда удается выбрать лишнюю сотню артистам, когда мой театр селит за рубежом. Когда на мои спектакли приходят Президент республики, когда, посмотрев вечером спектакль, наутро дает моему театру звание.

Театр — все-таки дом (со всеми его плюсами и минусами), а сам я все равно счастливый человек, поскольку давно уже, с 22-лет зашнмлюсь тем, чем хотел. Я не зарабатываю денег, но ведь за все надо платить, и это моя плата за то, что я делал то, что хочу делать. Мог в Ростове бросить заявление, уйти из театра при благополучнейшей ситуации. Мис, видите ли, не дали денег на приобретение камеры, автобуса, чего-то еще. Тут же мне все дали, но заставить себя забрать заявление я не смог. Губернатор

требовал вернуть меня, а я, написав человек, полагаю, что артисты за меня тоже проголосуют. Им управление культуры обещало всеские блага — звания, квартиры, они же на собрании постановили: оставить, но не хулуком, режиссером, даже главным, но полную власть отобрать. Я и ушел. Сегодня я об этом не жалею.

Казанский период для меня — штука серьезная. Я перестал быть «розовым идеалистом». Стал более терпим — раньше мог быть головной стелбу, устраивать чуть не мордобой, через все переписывать. В Казани обстановка в театре творческая. Театр стал академическим, хотя не верю в звание. Но мы должны быть, уважаем, в этом отношении. Многие получили звания народных, заслуженных, премия. Я член комиссии по Госпремиям Татарстана, меня спрашивают, что своих не выделяю. Выделиваю, на следующий год наверняка дадут. Мне важно, чтобы театр был на виду. Год-три был, чтобы сломать стереотип: моему, а моему театру должен работать. Раньше-то были гастролы, и в эти месяцы уже паковали багаж, планы составляли и ужасали. Но сегодня гастрольной практики нет, а эту пару месяцев театр ничего не делает! А ведь стабильный театр должен работать в городе как можно дольше. Сегодня у меня уже все билеты проданы, я от этого получаю удовольствие. И артисты довольны, их больше стало ставить, хотя всегда о них мечтал. У самого слух есть, но в тоальности понасть, не могу, отчего испытываю особые удовольствия, когда слышу, что мои актеры поют и танцуют. Они очень хорошие сделали капустник на мое 50-летие, поздравление. Президент пришел, сказал, что сам лично хочет открыть этот вечер. Это тоже отношение к театру. Художника-соратника Александра Патркова и пригласил из Ростова, мне дали для его клартиру, что по нынешним временам непростое. Осталось сейчас переселить три актерские семьи из общежития в квартиры, а там в каждой — заслуженный артист.

— Завидно ли вам, довольны?

— Странная вещь — артисты привыкли, начинают воспринимать, мои старания как должное (хотя все ой как трудно достается). К счастью, еще на сцене не успокоились: перед московским выступлением заповновались, хотя во Франции уже привыкли к успеху. И здесь, в столице, поучивались вновь, что искусство — борьба, надо доказывать свое понимание, мастерство. На критические замечания, статьи обично актеры ведь не реагируют по сути, но я прошу их находить справедливые упрехи. Они у меня дружные, их расколотк невозможно, но требовательные к себе надо относиться. И мы заботываемся над замечаниями, ищем способы выправить изъяны — иногда находим. Это к тому, что театр-дом еще не исчезнул полностью, возможности начались лучше — перси — в России нет. Репертуарного театра вообще в мире мало, а это скверно отказывается в первую очередь на актере. И на конкретном — нет постоянной практики, требующей поддержки форму; и на общем состоянии профессии. Другое дело — контрактная система, ее надо вводить обязательно. И срочно! Как и закон о театре. У меня половина примерно на контракте. Но ведь все сами про себя знают, все же работают. Кто-то уходит сам — недавно одна пожилая актриса ушла на пенсию, поскольку работать уже не в состоянии. Другого пришлось увольнять по инвалидной причине — что нет в театре планства?

— С большим трудом.

— Так ведь нет. Вокруг есть, у нас нет.

— Отдельный попрос — в критике.

— Сместной — нормальные отношения, но я ни сочувствую: с невозможностью поездок и гастролей у провинциальных критиков ведь падает профессионализм, они уже не в состоянии видеть хорошие спектакли, особенно молодежь, а уж следить за новациями в театре и все невозможно. Что касается столичных критиков — разные есть и лица, и группы. Мне очень нравятся, как пишет Наталья Казмина. Даже когда она режа, она убедительна, читает ее всегда очень интересно. Пишет глубоко, уважительно следить за ее мыслями. Есть и еще ее коллеги, я пытаюсь читать как-нибудь — «Журтур», «Экран и сцена», «Вестник», «Петербургский театральный журнал», «Московский наблюдатель», пока он был. И конечно, обязательно должен возникнуть журнал «Театр». Конечно же, покупные номера, это плохо, получается буклет, сплошные словословия. В Казани можно было бы сделать, но писать мало есть кому, я заплата себе не могу найти.

Беседовал Геннадий ДЕМИН

Главный редактор А.А.АВДЕЕНКО

Газета сверстана в компьютерном центре «Экран и сцена», тел. 229-70-65, e-mail: scrstage@mtu-net.ru. Адрес в Интернете: www.chat.ru/~sstage

Отпечатано в типографии ПО «Пресса-1», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Индекс 50182. Тип. № 14050

Адрес редакции: 103055, ГСП, Москва, М.Гнезниковский пер., 7. Факс: (095) 229-70-65. Телефон секретаря: 229-70-65.

Републики не рецензируются и не возвращаются. «Экран и сцена» выходит по четвергам. Газета зарегистрирована в Министерстве печати и информации

Российской Федерации 25 сентября 1991 года. Регистрационный № 1144

Учредитель: журналистский коллектив. Цена свободная. Подписано в печать 28.07.99 г в 14.00. Тираж 10 000 экз